

Леди Дракнесс

**Когда сказки
превращаются в
кошмары.
Часть 1.
Золушка.**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Когда сказки превращаются в кошмары

Леди Дракнесс

**Когда сказки превращаются
в кошмары. Часть 1. Золушка**

«Автор»

2019

Дракнесс Л.

Когда сказки превращаются в кошмары. Часть 1. Золушка /
Л. Дракнесс — «Автор», 2019 — (Когда сказки превращаются в
кошмары)

Старая сказка про Золушку не лжет, но недоговаривает. Фея, туфелька, бал и бегство от принца — все это действительно было, вот только принц оказался скорее ужасным, чем прекрасным, так что бежать от него Золушке пришлось аж на тот свет. Вернее — на этот: в знакомую нам реальность. А тут совсем другая жизнь, новое имя, непривычное тело, но реинкарнация не стерла память и личность беглянки, а это значит — она и тут не в безопасности. Одна надежда: отыскать фею-крестную, которая тоже из «наших», местных, земных...

Содержание

Пролог	5
Глава 1. «По следам Золушки»	6
Глава 2. Следующий шаг	13
Глава 3. Новое детство	16
Глава 4. Первые шаги	18
Глава 5. Второе приключение	22
Глава 6. Главное – не скучать	24
Глава 7. Взросление	27
Глава 8. Первая любовь	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Леди Дракнесс

Когда сказки превращаются в кошмары. Часть 1. Золушка

Пролог

Говорят, что, когда человек умирает, перед его глазами, словно киноплёнка, проносится вся его жизнь. Видимо, я умирала, раз в моей голове начали проходить воспоминания, словно солдаты на параде. Вот только я не очень помню: воспоминания идут по порядку или в обратном порядке? Мои шли по порядку... Хотя, наверное, это уже и не важно. В глухой, крошечной темноте, забравшей меня к себе, вдруг словно включили свет. Сначала это было просто размытое белое пятно, но оно все разрасталось и разрасталось, становясь всё чётче и ярче. А потом к нему словно добавили звук. И, словно сквозь меня, чередой поплыли мои же воспоминания...

Глава 1. «По следам Золушки»

Мачеха опять начала дурить. А чего прикажете ждать от бабы в климаксе? Конечно же, одновременно с её приливами и отливами и дикие идеи то приходят в её отнюдь не светлую голову, то уходят безвозвратно. Так что, слава Богу, её склероз помогает мне не надорваться.

И ведь угораздило же папá жениться на дриаде с её двумя порослями. Не, я понимаю: из гуманных побуждений. Смена климата в нашем царстве погубила бы редкое растение, если бы он не перетащил его вместе с живущей в нём дриадой к себе в дом. Но вы когда-нибудь имели дело с растительным царством в лице его трех представителей? Нет? И не советую, страшное это дело. Вечный голод и вечное желание подчинить себе всё вокруг, возвысившись над лесом и заполонив всё пространство своими отпрысками. А ежели в лесу не климатит? Ну-у тогда заполняется всё, что под руку попадется, а местная флора, за каковую считалась в данном случае я, вытесняется. На кухню для начала. Где я после женитьбы отца и стала пребывать. А поскольку растительность другого вида требовалось забить своей в данном случае не только числом, то и работать я стала за всех сбежавших из дома слуг вместе взятых.

Не, я не жалею, ибо, как говорит моя крёстная, жизнь – это учеба и развитие.

Вот я и учусь чистить камин (– Ну чего ждешь, грязнуля, подкинь дров в камин!*)¹), драить пол (– Давай, бездельница, подмети пол!*), затягивать новой мама и её двум кикиморам корсеты и вышивать крестиком, иногда многоэтажным.

Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что последнему я учусь у своей крёстной. Ну и, несомненно, любовь и жалость к отцу о-очень сильно развивают терпение и пофигизм вкупе с умением выкручиваться и выживать в нечеловеческих условиях.

Хотя и моему терпению иногда бывает предел. В такие моменты жизни хочется взять в руки топор и отправиться в оранжерею рубить под корень редкие растения, а сверху пеньки ещё и полить саморучно сваренным зельем, чтоб ни один росток больше не проклюнулся. Но... но я знаю, что для отца это будет страшным ударом. И как представляю себе его глаза, когда он зайдет в теплицу и там не увидит ничего, только пустоту, так рука сама ставит топор в угол. Вот этой моей любовью и пользуются беззастенчиво мачеха с её дочерьми. А я вырабатываю кротость, смирение и философское отношение к жизни.

Так и сегодня с утра случился явный перебор со стороны новой родни по испытанию моего терпения. Ни свет ни заря королевский глашатай объявил про ежегодный бал во дворце Его Величества. Это должен был быть мой первый бал. Ведь мне исполнилось шестнадцать. Честно говоря, мне порядком поднадоело быть вечно в грязи, пыли и саже, так что слабый лучик надежды на чуть развеяться робко заблистал в моей душе, превращаясь в горячее желание побывать-таки на балу и пусть ненадолго, но окунуться в мир роскоши, хороших манер и изящных людей.

У мачехи, чьим росткам тоже исполнилось по шестнадцать, в голове сразу же созрел план по захвату дворца и царства. Зону произрастания требовалось расширять как-никак.

(– Ну, мои дорогие, – сказала мачеха своим некрасивым дочкам, – наконец-то судьба вам улыбнулась. Мы едем на бал. Я уверена, что одна из вас обязательно понравится принцу и он захочет жениться на ней.

– А как же другая? – в один голос спросили сестры.

– Не волнуйтесь, для другой мы найдем какого-нибудь министра*.)

«Бедный принц», – я сочувственно вздохнула, выжимая половую тряпку.

О том, чтобы попроситься на бал с ними, и речи быть не могло. Меня и так воспринимали как злостный сорняк в их изысканном сообществе, а уж просьба о присутствии на балу

¹ Здесь и далее звездочкой отмечены выдержки из произведения «Золушка» Шарля Перро.

однозначно была бы воспринята как покушение на их территорию. Естественно, перед отъездом из дома моя новая маман не преминула мне подгадить:

– И не думай, что ты будешь бездельничать, пока нас не будет дома. Я найду для тебя работу.

Она огляделась по сторонам. На столе, около большой тыквы, стояли две тарелки: одна с просом, другая с маком. Мачеха высыпала просо в тарелку с маком и перемешала.

– А вот тебе и занятие на всю ночь: отдели просо от мака*.)

Честно, после их отъезда я шлепнулась на ступени крыльца, уткнулась лицом в передник и первый раз в жизни разревелась. Слезы градом катились по грязным щекам, оставляя две светлые дорожки, глаза покраснели, губы и нос распухли. И только я собралась в очередной раз душевно и с надрывом всхлипнуть, как над ухом раздался знакомый насмешливый голос с хрипотцой:

– Ну и чё сидим? Чё ревём?

– Потому что обидно-о-оо! – проикала я в ответ, поднимая заплаканные глаза на крёстную.

Это была она! Фея! Пьяная в хлам и с топором в руках. Его обухом она изящно постукивала одной рукой о ладонь другой.

Видок у неё, конечно, был ещё тот: остроконечная шляпа сдвинулась набок, причёска растрёпана, пышное платье сзади заправлено в трусы. В руках вместо волшебной палочки топор. Крылья бабочки за спиной превратились в чёрные крылья нетопыря, тушь размазана по лицу. В зубах сигара. Вид са-а-мый счастливый. Ну всё ясно – провела бурную ночь со своим бойфрендом (он у неё горгулья), там и крыльями махнулись. То ли спяну, то ли торопилась?.. Во-о-опрос... однако. И этот самый вопрос так меня заинтересовал, что я даже плакать перестала.

– Ну вот, другое дело! – оптимистично проревела крёстная, нависая своей мощной грудью над моей головой.

– А топор зачем? – спросила я первое, что пришло мне в голову.

– Да какая разница, чем махать! – философски заметила она.

– И то правда, – кротко согласилась я.

Спорить с пьяной феей двухметрового роста, да ещё если у неё в руках топор, и она жаждет им помахать – себе дороже. Так что я по пустякам не спорю. Что, видимо, понравилось моей Феечке, потому как она безапелляционно заявила, выпуская мне в нос кольцо табачного дыма:

– Ты едешь на бал.

Я ничего не ответила, лишь грустно оглядела себя с головы до ног. Да и без слов всё было ясно: волосы спутаны, физиономия в саже, одета в полурваное тряпье, на ногах разношенные тапочки, просящие есть. В общем, грустное и малопривлекательное зрелище. Но мою крёстную это, похоже, не смущало.

– Сейчас мы сделаем из тебя красавицу, – оптимистично сообщила она.

«Ой-ёй...» – промелькнула в моей голове заполошная мысль.

Но додумать я её не успела: фея вдохновенно взмахнула топором и... растущая на огороде тыква превратилась в карету, пробежавшая мимо кошка стала кучером, а жирные крысы, обитающие в подвале, стали лошадьми.

– Ну вот, – Фея удовлетворённо потрогала большим пальцем левой руки лезвие топора.

Затем ловко, что твой индеец, переместив его в левую руку, пристально уставилась на меня, отчего по моей спине пополз неприятный холодок. Взгляд у крёстной был внимательно-кроткий, что и пугало. Радужка бирюзовых глаз чуть расширилась, став словно ещё чернее. И из её глубины, клубясь, стал подниматься тёмно-серый туман.словно чёрный смерч, он заполнял собой радужку. И огромные раскосые глаза Феи уже были не цвета мёртвой бирюзы,

а антрацитово-чёрные с зеленоватыми всполохами молний, вспыхивающих по всей спирали чёрного смерча, поднимавшегося у неё изнутри и рвущегося наружу. Казалось, что сейчас вся эта чёрная буря выплеснется из них, начав заполнять собой всё вокруг, но Феечка, видимо, руководила процессом, потому как чёрная буря остановила своё движение вверх, клубясь и сверкая молниями на самой кромке её глаз и нашего мира.

Мои зубы постукивали от страха.

– А сейчас мы оденем тебя, – нежно заметила она.

По моей спине уже не холодок бежал, а тёк ручьями холодный пот. Я нервно сглотнула слюну.

Фея второй раз взмахнула топором и...

Я оказалась одета в фиолетовое, с пышной чёрной газовой (спереди выше колена и доходящей сзади до пят) юбкой и чёрными прозрачными рукавами платье. Оно было с глубоким вырезом сзади и плотно обтягивающим горло воротником спереди. На ногах были чёрные ажурные колготки. На голове цилиндр с сеточкой, прикрывающей пол-лица. На лице была чёрная боевая раскраска женщины-гота.

Я обалдело хлопала длинными чёрными ресницами на крёстную, не в силах вымолвить ни слова. Не, не поймите меня неправильно, но сама до такого вида я бы в жизни не додумалась. Но, рассудив, что это лучше, чем сидеть и рыдать, я не решилась спорить.

(– Ну вот, теперь можешь ехать на бал, – сказала волшебница Золушке*.)

Молча кивнув, я уже было направилась к карете, когда сзади раздался властный голос, остановивший меня:

– Стой. А туфли?

И правда, я была настолько ошарашена, что отправилась на бал босиком. Остановившись, я повернулась и вопросительно посмотрела на Феечку. Та задумчиво почесала сбитыми костяшками пальцев руки кончик носа, а затем одним движением задрала свои пышные белые юбки, резко стянула с ног чёрные на толстой подошве ботинки и кинула их мне:

– Надевай.

Быстро натянув ботинки, я залезла в карету.

(– Поезжай на бал, моя милая! Ты это заслужила! – воскликнула фея. – Но помни, Золушка, ровно в полночь сила моих чар кончится: твоё платье снова превратится в лохмотья, а карета – в обыкновенную тыкву. Помни об этом!*)

Я молча и коротко кивнула.

(Золушка пообещала волшебнице уехать из дворца до полуночи и, сияя от счастья, отправилась на бал*.)

После чего карета очень шустро рванула с места, притом напрямик, не разбирая дороги. Да что там рванула? Она просто ломанулась напролом, без всякого проезжего тракта. Казалось, что само пространство словно менялось по ходу нашего движения. Обычный пейзаж словно перекрывался каким-то иным, полупрозрачным, и карета легко проскакивала среди плотно растущих елей, как если б мы ехали по широкой дороге.

(Королевскому сыну доложили, что прибыла неизвестная, очень важная принцесса. Он поспешил ей навстречу, помог выйти из кареты и повёл в зал, где уже собрались гости*.)

Принц был вежлив и лично приветствовал гостей.

Когда ему доложили о прибытии ещё одной, опоздавшей гостьи, он поморщился, но пошёл встречать. Я почти вываливалась из кареты, меня слегка растрясло, да и ботинки феи оказались великоваты и чуток спадали с ног, я краем глаза заметила сначала кислотоватую физиономию парня лет 18, а потом, подняв глаза, увидела, как его плотно сжатые губы плавно превращаются в почти идеальную букву О.

Да, согласна: ежели б на меня свалилось такое чудо, я б тоже удивилась. И немало. Ласково растянув свои чёрные губы в улыбке, я изящно подала ему руку в кружевной перчатке.

Принц было отшатнулся, но через пару секунд руку принял, и мы не спеша стали подниматься по огромной мраморной лестнице в бальный зал.

(Когда Золушка, разодетая как принцесса, вошла в бальный зал, все замолчали и посмотрели в сторону незнакомой красавицы.

– Это ещё кто такая? – недовольно спрашивали Золушкины сводные сестры.

В зале сразу наступила тишина: гости перестали танцевать, скрипачи перестали играть. Так все были поражены красотой незнакомой принцессы...

Даже сам старик-король не мог на неё наглядеться...

А дамы внимательно рассматривали её наряд*...)

Да уж, должна признаться, что фурор я произвела, и немалый. Мачеху и сестёр просто перекосило, хотя они и так на всех смотрели с кислым видом. Король просто впал в ступор. Придворные молчали, будучи в шоке. А принц просто с видом, как будто ему по темечку слегка тюкнули обухом, всё разглядывал меня и всё никак не мог наглядеться, бедолага.

Мы протанцевали весь вечер. Сначала это была демонстрация и вызов двору, потом мы разговорились и уже не могли остановиться. Казалось, два мира слились в единое целое. Мы словно всю жизнь знали друг друга. Время, окружающие просто исчезли. Существовали лишь его сверкающие цвета звёздного неба, словно прожигающие тебя насквозь, глаза, его горячее дыхание на моей шее и его нежные, но очень сильные руки.

Но о времени не стоит забывать. Или оно само напомнит о себе.

(Но время неумолимо летело вперёд. Помня слова доброй феи, Золушка всё время поглядывала на часы. Без пяти двенадцать девушка неожиданно прекратила танцевать и выбежала из дворца. У крыльца её уже ждала золотая карета. Лошади радостно заржали и повезли Золушку домой.*)

– Ты должна покинуть дворец до 12 ночи, – слова крёстной словно выплыли из тумана сознания, вернув меня в реальность.

Я чуть повернула голову вбок.

Огромные дворцовые часы словно заглядывали в открытое окно балльного зала со стен башни и показывали... показывали без пяти минут...

Я резко остановилась и взглянула в лицо принцу. Он почему-то начал меняться: белки глаз, зрачок исчезли, превратившись в бледно-голубой лед. Лицо побледнело. Верхняя губа чуть приподнялась, обнажив два острых белоснежных клыка.

Ни слова не говоря, я что есть мочи припустила прочь. Бегом в спасительную арку дверей, кубарем вниз по огромной лестнице из белого мрамора. Я со всех ног, перепрыгивая через ступеньку, мчалась вниз, но всё ближе и всё горячее становилось его дыхание на моей шее. Не дожидаясь, когда к моей шее окажутся близки не только его дыхание, но и его клыки, я, не сбавляя скорости, стянула с ноги Феин ботинок (всё равно они были великоваты и мешали бежать) и что есть мочи с разворота резко запустила им прямо в лоб Высочества. Ботинок попал точно в цель! И мраморно-голубые глаза будущего короля удивлённо вылезли из орбит, а потом кротко закатились, и он, как подкошенный, рухнул на ступени лестницы.

Убедившись, что принц пока мне не опасен, я, быстро стянув с ноги второй ботинок, сунула его себе под мышку и рванула к входной двери.

Сзади слышался шум, затем зазвучало многоголосие...

«Всё ясно – очухались придворные. Щас они найдут бездыханного прЫнца и кинутся ловить меня...»

Не сильно тратя время на додумывание этой мысли, я прибавила скорости.

А вылетев во двор, поняла, что ускакать домой в карете уже не получится: куранты пробили полночь, и перед моими глазами лежали лишь осколки надежды побыстрее унести отсюда ноги в виде разбитой тыквы, разбегающихся крыс и невозмутимо взирающего на всё это кота.

Он спокойно сидел рядом с обломками тыквы и, не мигая, смотрел на меня своими жёлтыми глазищами. Казалось, что образовалось три луны: одна огромная, круглая, ослепительно яркая сияла на небе и две чуть поменьше светились с чёрной морды кота.

Потерявшие было способность соображать от всего увиденного, стражники уже начали отходить от шока и подозрительно уставились на меня.

Сзади приближался шум погони.

Ко всем моим впечатлениям решило присоединиться и платье. Оно начало истончаться, превращаясь в нечто полупрозрачное. Я, представив, что сейчас меня увидят голой, запаниковала и прыгнула вперёд с горячим желанием убраться отсюда подальше, не будучи опозоренной, схваченной и (судя по всему) съеденной или выпитой.

Так что с крыльца я слетела уже в виде огромной кобры, нежно оскалив огромные клыки в сторону вконец обалдевших стражей, и бесшумно заскользила в тень дворцового парка. Вряд ли прошла и минута, как я скрылась в спасительной черноте ночного леса.

Ночная роса холодила кожу, топот множества ног неприятно отдавался во всём теле. Я неслась к дому. Рядом скакал кот. В принципе, я могла бы его съесть, изменившиеся враз гастрономические предпочтения позволяли мне это сделать, но я не стала. Во-первых, это бы меня затормозило, а во-вторых, оставшаяся в мозгу человеческая составляющая решила, что кот симпатичный, и пусть себе живет. Хоть будет с кем поговорить, а то с мачехой и её дочками это точно не вариант, а крёстная вечно где-то шляется.

Мысль о крёстной остановила меня. Я осмотрелась и поняла, что уже дома: вот моё любимое крыльцо, где я вечно отдираю песком пригоревшие кастрюли. А вот в корзине стоят недо-разобранные початки кукурузы.

Моё змеиное тело завибрировало, истончаясь, становясь полупрозрачным, и исчезло, оставив меня в моём человеческом, лежащем на колючем песке в голом виде.

С трудом поднявшись, мышцы начали поднывать, я отряхнулась и чуть вперевалочку заспешила домой, пока никто не видит.

На крыльце меня догнал кот, забежал вперёд, выразительно посмотрел мне в глаза и выплюнул, принесённый в пасти ботинок Феи.

– Ах да. «Туфельку», наверное, надо вернуть ей, – согласилась я с котом.

Тот выразительно, как на недоумка, посмотрел на меня и ничего не ответил. Молча усевшись на перила крыльца, он начал умываться.

«И то. Умыться и мне не повредит», – решила я и вошла в дом.

(Вернувшись домой, она прежде всего побежала к доброй волшебнице, поблагодарила её*.)

Из гостиной пробивалась полоска света. Я толкнула дверь и обнаружила там крёстную в богатом восточном наряде, вольготно расположившуюся на софе мачехи и курящую кальян отца.

Она с интересом оглядела мой встрёпанный вид. Странно, но, стоя перед ней нагишом, я почему-то совсем не стеснялась.

(Золушка побежала домой, запыхавшись, без кареты, без слуг, в своём стареньком платье. От всей роскоши у неё осталась только одна хрустальная туфелька*.)

– Твой туфля, – я протянула ей ботинок.

Феечка молчала, рассматривая меня из-под опущенных ресниц.

– Правда, один, – добавила я и вздохнула.

– Я в курсе, – ухмыльнулась Фея.

– И?... – подозрительно поинтересовалась я.

– Ему придётся на тебе жениться, – философски заключила она.

– Почему? – испуганно-недоумённо уточнила я, поняв, что моего мнения на этот счет, кажется, и не спрашивают.

– Тебе единственной удалось сбежать. Таково условие договора существования этого семейства, – пояснила Фея.

Я молча хлопала на неё глазами.

– Завтра он будет искать ту, у которой второй ботинок, – заключила крёстная, поднимаясь. – Приготовься.

С этими словами она исчезла.

Без всяких там спецэффектов в виде шума, гама, молний, огня. Просто исчезла, и всё. Не знаю, как это ей удастся. Я вздохнула и отправилась приводить себя в порядок. Надо было успеть до приезда мачехи ещё и изобразить бурную деятельность...

А в это время во дворце:

(Опечаленный, стоял он наверху лестницы и уже собрался уходить, как вдруг заметил что-то внизу. Это была туфелька, которую потеряла прекрасная незнакомка. Юноша осторожно, как какую-то драгоценность, поднял её и прижал к груди. Он найдёт таинственную принцессу, даже если ему придётся искать её всю жизнь!*)

Очнувшись, принц сел и потряс головой. Голова болела везде: ныл ушибленный о ступеньки затылок, болел лоб. Принц снова помотал головой и огляделся: он сидел один на мраморных ступенях парадной лестницы, рядом валялся чёрный ботинок на толстой рифлёной подошве, где-то внизу раздавались шум и голоса придворных. Осторожно повернув голову, Высочество оглядел себя в зеркало, висящее на стене: вид помятый, волосы всклоочены, на лбу синяк и шишка называют. Видимо, от удара каблуком по лбу.

«М-дя... И так-то пострадал, а теперь ещё и жениться предстоит...»

С глубоким вздохом он осторожно поднялся и медленно (кружилась голова) стал спускаться вниз по ступенькам туда, где раздавался шум толпы.

(После исчезновения красавицы принц перестал давать балы во дворце, и по всей округе разнесся слух, что он по всему королевству ищет ту самую таинственную красавицу, что исчезла ровно в полночь. Было также известно, что принц женится на девушке, которой туфелька придётся впору. Сначала туфельку примеряли принцессам, потом герцогиням, потом всем придворным дамам подряд. Но она не годилась никому.

В скором времени принц со своей свитой пожаловал в дом, где жила Золушка. Сводные сестры бросились примерять туфельку. Но изящная туфелька ни за что не хотела налезать на их большие ноги. Принц уже хотел уйти, когда вдруг отец Золушки сказал:

– Подождите, Ваше Высочество, у нас есть ещё одна дочка!

В глазах принца блеснула надежда.

– Не слушайте его, Ваше Высочество, – тут же вмешалась мачеха. – Какая же это дочка? Это наша служанка, вечная замарашка.

Принц с грустью взглянул на грязную, одетую в лохмотья девушку и вздохнул.

– Что ж, каждая девушка в моём королевстве должна примерить туфельку*.) – сказал принц и достал Феин ботинок.

Я молча достала из-под юбки второй башмак, затем забрала у принца принесённый им и молча надела их на ноги. Мы стояли и смотрели друг другу в глаза. Не могу сказать, что горела желанием оставаться и дальше в доме отца. Мачехой и её дочерьми я наелась досыта. Но и выходить замуж за ледяного вампира мне тоже совсем не хотелось. Да и принц, судя по всему, не желал до умопомрачения жениться на мне. И что прикажете делать? У него договор (не знаю, какой и с кем, но имеется ведь). У меня мачеха... Дилемма, однако. Трудная, однако. Мы стояли молча, хмуро смотря друг на друга.

(Тут подросла добрая волшебница, коснувшись своей палочкой старенького Золушкиного платья, и оно на глазах у всех превратилось в пышный наряд, ещё роскошнее прежних*.)

И тут в комнату вошла Фея: в мини-юбке, прозрачном топике, с несколько размазанной по лицу красной губной помадой, с разбитыми коленками и с мачехе в руках.

Поигрывая им, как культурист мускулами, она подошла ко мне и коснулась им моего рванья. Судя по округлившимся враз глазам Высочества, он то ли Фею испугался, то ли наряд и макияж, благодаря её стараниям, у меня вышли лучше прежнего. А может, то и другое.

Фея тем временем придиричиво оглядела меня, замерла на пару секунд, затем задумчиво почесала в затылке пятернёй, одетой в кожаную гловелетту, и кивнула, оставшись довольна своим творчеством.

Я выразительно посмотрела в её непроницаемо-зелёные огромные глазищи. У меня совсем не было уверенности, что я хочу замуж. Она в ответ лишь дёрнула плечом.

«Видимо, придется ехать...» – обреченно подумала я.

(Золушку в её роскошном наряде повезли во дворец к принцу*...)

Глава 2. Следующий шаг

(Пы. Сы.: А, собственно, вторая часть к Шарлю Перро имеет очень поверхностное отношение). Итак:

В карете было неуютно: трясло, всё скрипело, скамейка была жестковата, запах нафталина смешивался с запахом ладана, к коим примешивался лёгкий оттенок пережаренного постного масла и растительно-утрированный аромат одеколona Его Высочества.

Да и хмуро-презрительно-высокомерный вид этого самого Высочества оптимизма не добавлял.

«А можно подумать, я так стремлюсь оказаться его женой», – хмуро подумала я, исподлобья разглядывая принца.

Высочество был одет в бархатный костюм синего цвета с пышными, отделанными белым атласом рукавами и шёлковым высоким стоячим плиссированным воротником светло-голубого цвета. Неприлично узкие бархатные штаны до колен переходили в шёлковые гольфы белого цвета, плотно облегающие его длинные стройные мускулистые ноги. Узкие небольшого размера ступни уютно чувствовали себя в мокасинах чёрного цвета. Так же плотно кисти рук облегали чёрные кожаные перчатки. Чёрная прядь волос несколько выбилась из-под небольшой чёрной плетёной шляпы с загнутыми полями, украшенной пером павлина.

Голубые глаза смотрели на меня холодно и равнодушно. Тонкие губы то и дело трогала усмешка. Точёное, несколько нервное лицо, пожалуй, было красиво. Правда, его слегка портил чуть припухший чёрно-синий месяцеподобный след между бровями.

«Видимо, след от каблука ботинка Феи», – кротно-наивно про себя предположила я. Вслух сие предположение я, конечно, озвучивать не стала. Зачем будить зверя, если ты с ним в одной клетке, и он сильнее тебя.

Так что все наблюдения я производила молча.

Неожиданно принц резко наклонился ко мне и, пристально глядя в глаза, холодно, с еле скрываемым бешенством в густом низком голосе поинтересовался:

– Ну что, довольна, шмара? Думаешь, добила своего? Много вас, поблядушек, по свету бегают. Кое-кому и во дворец удаётся пролезть. Но пролезть не значит войти в семью. До этого во дворце ещё надо выжить, – угрожающе-торжественно процедил он сквозь зубы прямо мне в лицо, после чего снова откинулся на спинку сиденья и принял невозмутимо-отстраненный вид.

Изо рта Высочества неприятно пахло прелой кровью.

Меня слегка замутило. А ещё стало очень противно и обидно и от эпитетов, произнесенных особой королевских кровей в мой адрес, и от несправедливых предположений в мой же адрес.

А самое главное – я отчетливо осознала, что не хочу быть его женой, будь он хоть сто раз не то что принцем, но и королём. И во дворец не хочу. Змеиногo гнезда мне и у папочки в доме хватило. А ещё в принципе не хочу иметь дел со спесивыми и высокомерными созданиями мужского пола, позволяющими себе оскорбления в адрес женщины. Любого звания. Нормального хочу!

С этим судьбоносным выводом-решением я резко распахнула дверцу и выпрыгнула из тёмного нутра кареты навстречу светлому окружающему пространству, солнечному свету, свежему запаху леса и пению птиц...

Через минуту я с головой ушла под воду (судя по всему, кинулась прочь из кареты прямо на мосту через самую широкую и полноводную реку королевства).

Серые холодные воды сомкнулись над моей головой, течение подхватило меня и понесло вниз. «Видимо, я попала в омут», – мелькнула заполосная мысль.

Но противиться движению вод я не стала. Остановило попытку выплыть то ли воспоминание о том, что если тебя затягивает в омут, то надо нырнуть поглубже, к его основанию, тогда есть шанс выплыть, то ли вид стоящего на мосту с высоко вздёрнутым подбородком принца, спокойно наблюдавшего за моим погружением.

Высочество, солнце, небо всё больше отдалялись, превращаясь просто в тёмное и светлое пятна, и всё большее количество вод смыкалось над моей головой.

Наконец мои ноги коснулись дна. Воздух в лёгких потихоньку заканчивался. Тонуть, однако, я не хотела. Но и вверх я тоже не хотела.

А жить мне хотелось, и не русалкой. Что делать? Этот философский вопрос встал передо мной прям-таки ребром. И требовал не глубоких размышлений, а быстрого решения.

Так что я быстро огляделась в поисках выхода. Вода была мутноватой, видимо, из-за сильного течения, да и я её взбаламутила слегка своим движением вниз.

Чуть справа светилось, покачиваясь, словно в мареве, светлое пятно.

«Справа не вверх. Значит, принца там не будет», – решила я и, сбросив с себя ботинки и платье, поплыла к пятну, стараясь двигаться, не отрываясь от дна.

Пятно с каждым моим гребком приближалось, становясь всё светлее. Подплыв к нему, я обнаружила нечто белое, колыхающееся, с пробегающей рябью по поверхности, похожее то ли на нарисованный на бумаге круг с белыми же стенами, то ли на белую нору в желтовато-сером песке реки. Но в любом случае это походило на непонятно как образовавшуюся аномалию в пространстве.

Однако долго раздумывать на эту тему я не стала: воздух в лёгких явно подходил к концу. Так что я посильнее оттолкнулась ногами от дна и рыбкой рванула внутрь белого марева.

Внутри белого пятна исчезли все звуки, стало непонятно, двигаюсь ли я или лишь изображаю движение. Раскинув ноги и руки звездой, я словно зависла в этом абсолютно белом глухом пространстве. В душу потихонечку стал закрадываться страх. Нет, не то чтобы я страдала клаустрофобией, но мой подвешенный вид в чём-то абсолютно белом, без оттенков, звуков, движения пространстве меня немного напрягал. Я даже не смогла понять, дышу ли.

Так что да, у меня началась небольшая паника. Сколько я так буду висеть? Как и куда выбираться? На лбу выступили капли холодного пота, что меня несказанно обрадовало. Радовало и само наличие лба в принципе, и наличие капель пота на нём. И уж совсем несказанно обрадовало наличие руки, которой я этот пот вытерла. А осознание своего «я», в принципе, вызвало огромный вздох облегчения. Так что я несколько расслабилась – существую же!

И вот, как только я вздохнула с облегчением, послышался какой-то тихий невнятный звук. Я прислушалась, определяя направление, откуда он исходил, и сделала плавательное движение в его сторону. Не знаю, почему плавательное. Как-то привычно так стало после реки. А так-то, может, можно и ногами было пойти.

Звук приближался, становясь всё громче. Вскоре я смогла разобрать, что он состоял из нескольких голосов. «Подплыв» ещё ближе, я уже смогла услышать речь. Разговаривали несколько человек. До меня доносилось:

– Тужься, тужься...

– Не могг-гу-у-у...

– Можешь!

– Ну, дорогая, ну давай...

– Сам давай!! В жизни больше рожать не соглашусь!!! А-а-а-а...!!!

– Не кричи. Ребёнку кислород перекрываешь.

– Не могу-у-у... больше!!

– Можешь! Тужься!

– Аа-а-а...!!!

«Рождает кто-то?» – удивлённо подумала я, оглядываясь вокруг. Пространство чуть изменилось, оно стало более серым. Теперь я очутилась в светло-сером колышущемся тумане. Рядом висел какой-то чёрный пушистый сгусток размером с хорошее яблоко.

«Душа, – вдруг отчетливо поняла я. – Чья-то душа, которая не хочет рождаться. Потому так долго идут роды».

Не знаю, почему я так решила. Просто изнутри, словно каменный столб, поднялось знание.

Чёрный сгусток тоже заметил меня. Мы смотрели (если это слово было уместно в данном случае) друг на друга, зависнув в сером мареве без низа и верха. И... поняли друг друга. Не было ни слов, ни мыслей, просто мысленное и чувственное присутствие внутри друг друга. Затем «шарик» скользнул вниз, в открывшуюся вдруг черноту. А я – вперёд, туда, откуда шёл звук.

– Ай-я-я-я... – я закричала от холодной вдруг навалившейся тяжести и глубоко вздохнула.

– Девочка, – раздался мужской голос у меня над ухом, и чьи-то тёплые крепкие руки подхватили меня и куда-то понесли...

P. S. Через десять дней поиски тела Золушки были прекращены. В королевстве был объявлен трёхдневный траур по трагически погибшей невесте принца.

Глава 3. Новое детство

С момента моего первого «А-а-а-а...!» в этом мире прошло не так уж много времени.

А то, что это совсем иной мир, я поняла, едва приняв воздух. У нас так не пахло.

И мои новые родители пахли совсем по-другому. А ещё я совсем не чувствовала запаха Феечки, и это меня пугало и обескураживало. Ведь это значило, что я осталась совсем одна в этом новом для меня месте.

Первое время я усиленно пыталась привлечь её криком, чем сильно пугала своих новых родителей:

– Смотри, она аж зашлась криком, – слышала я испуганный голос женщины над собой.

– Ну-ну, – пытающийся скрыть тревогу голос мужчины рядом. – Не волнуйся. Она же ещё совсем маленькая. А маленькие все плачут. Может, у неё животик болит? – делает предположение вконец напуганный моим просто уже не криком, а визгом мужчина.

Женщина рядом с ним приободряется:

– Надо вставить ей газоотводную трубочку, – испуганно-облегчённо вздыхает она.

– Да. Точно – газы. Она же ещё совсем маленькая. Вот они её и мучают, – облегчённо подхватывает другой мужской голос.

Видимо, хоть какой-то план действий дает им надежду на моё успокоение.

Я же совсем не хочу успокаиваться: я одна среди неизвестно чего и кого. И мне страшно!

– (Фея, где ты?!!) А-а-а-а-а!!!! – надрывалась я.

Две чуть размытые фигуры сначала исчезают из моего поля зрения, а затем... А затем произошло то, после чего в дальнейшем я решила воздержаться от призывов Феечки столь неистово: меня бережно распеленали, аккуратно перевернули на бочок и... что-то воткнули в задницу!

От неожиданности и возмущения я просто взвыла нечеловеческим голосом! А потом... Ну а потом, смачно пукнув, поняла, что мне пока лучше заткнуться, дабы эти двое перестали спасать мой «животик» усиленно запихивая что-то мне в попу. Так-то и попы не напасешься на всех «спасателей».

Одним словом, придя к выводу о том, что свой зад надо беречь, я и не заметила, как уснула, чем вызвала облегчённый вздох моей нынешней родни.

Потом... А потом я почти ничего не помню. Помню тёплые руки, переворачивающие, одевающие, глядящие меня. Помню вкусный запах молока и его чуть сладковатый вкус на моём язычке. Помню чуть терпко-кисловатый запах и сильные, очень сильные руки, держащие меня.

Но это всё были мимолетные воспоминания. В основном я спала.

Второе осознанное воспоминание о новой жизни было уже более чётким: я лежу в своей кровати. Могу чуть повернуть голову. Могу приподнять руку и ногу. Рассматриваю то белое, на чём лежу. И то зеленовато-пёстрое, в чём одета. Я рада этому. Значит, вскоре я не буду столь зависима от других и смогу осмотреться в этом мире. Улыбаюсь.

К кровати подходит чья-то фигура и заслоняет мне свет. Это заставляет меня обратить на подошедшего внимание.

Надо мной склонилась высокая фигура мужчины. Белые, как снег, волосы коротко подстрижены. Глаза василькового цвета внимательно меня изучают. Рука, одетая во что-то пятнисто-зелёное, тянется к моей голове и гладит её. Я внимательно разглядываю мужчину.

Неожиданно к нему подходит вторая фигура мужчины, одетая также во что-то пятнисто-зелёного цвета, и тоже наклоняется над кроватью.

– Смотри: она не спит. И не плачет, – говорит мой отец своему другу.

Я уже знаю, что этот беловолосый человек – мой отец. Я помню этот запах.

– Может, у неё что-то болит? – озабоченно высказывает предположение папин друг.

Его запах я тоже помню. Ему даже пару раз давали меня подержать. Но от него при этом так сильно начинало пахнуть страхом, что я сама с испугу дула в штаны, и меня сразу от него забирали.

Папин друг русоволос и тоже коротко подстрижен.

Оба загорелы. От обоих пахнет оружием.

Я не знаю, откуда я знаю, что пахнет именно оружием. Знаю, и всё.

Отец протягивает к моей голове руку и осторожно гладит меня.

– Ну чего ты не спишь? – тихонько спрашивает он.

Мне почему-то становится смешно, и я радостно улыбаюсь ему.

– Раз улыбается, значит, ничего не болит, – со вздохом облегчения выдает папин друг.

Папа коротко кивает ему и неумело улыбается мне в ответ.

Я радостно пытаюсь им обоим объяснить, что выпалась, потому и не сплю. И что я их хорошо вижу. И что я этому очень рада.

Но вместо слов изо рта вырываются лишь пузырьки слюней да какое-то гуканье. Я почти расстроена этим фактом, но мужчин он почему-то приводит в восторг. И, видя их радостные лица, склонённые надо мной, я тоже начинаю смеяться.

Наше безудержное веселье, видимо, и разбудило маму. Потому что она подошла к нам и, склонившись надо мной, сердито зашептала на мужиков:

– Вы чего так громко? Ребёнка разбудили.

– Да она не спала. Просто лежала и смотрела, – чуть виновато оправдывался отец.

Правда, на лицах обоих я заметила явное облегчение от того, что женщина встала. И теперь-то точно придумает, что со мной не спящей и не плачущей делать.

Мама склоняется надо мной, щупая мне подгузник. А я с интересом разглядываю её: чёрные выющиеся волосы до плеч. Огромные синие глаза. Жёлтый пушистый халат.

Я улыбаюсь и ей. В конце концов, надо же как-то выстраивать отношения с новой родней?

Но всё же – где же ты, Феечка?..

Глава 4. Первые шаги

Из воспоминаний детства я быстро вынесла один постулат, а именно: приключения меня любят! Ну или я умею их находить.

Первое из них случилось, когда мне было месяцев одиннадцать.

Моему отцу (редкое событие) дали небольшой отпуск. У него в принципе их или не было, или они были очень непродолжительными. На моей памяти самый длинный из них длился неделю.

И вот, проведя несколько лет без всяких отпусков лишь с редкими выходными днями, он, наконец, получил аж три(!) дня отдыха. Ну и куда прикажете деваться с таким-то счастьем? Мои родители решили, что навестят его родителей. Ну то есть моих бабушку с дедушкой.

Представляете, какой вынос мозга возник у одиннадцатимесячного карапуза?

У меня, оказывается, есть ещё и бабушка с дедушкой?! Оба-на! Я и к этим-то родственникам только начала привыкать, не считая того, что я в принципе только стала привыкать к тому, что у меня здесь вообще есть родители. Притом оба, заметьте, оба родителя! А тут, оказывается, к ним в комплекте прилагаются ещё и бабушка с дедушкой! Вот уж новость так новость!

С одной стороны, обрадовалась, а с другой – насторожилась. Опять же, поймите меня правильно, я только двумя руками за многочисленную родню. Но... Но я хорошо помнила, как в нашем старом доме появилась новая родня. Помнила, как мой отец, склонившись над моей колыбелью, нервно теребя длинную рыжую бороду, глухо произнес:

– Вот, дочка, это твоя новая родня. Они будут заботиться о тебе.

И подозвал поближе какую-то странную женщину с не менее странными девочками, которых она крепко держала за руки.

Помнила и как быстро я из светлой, солнечной комнаты оказалась в тёмном чулане... Всё помнила.

Так что знакомство с новой родней меня немного волновало.

Впрочем, гораздо больше меня всё же заботили желание поест, поспать и напроситься взрослым на руки. К тому же к этому времени я научилась отлично ползать, вставать и, тихонько перебирая ногами и руками, крепко держась за что-нибудь, ходить. И это было интересно и очень будоражило моё любопытство. Мне не терпелось самой заглянуть в этот новый для меня мир, который я пока видела лишь урывками – из коляски или с рук взрослых.

Нет, мне очень нравились тёплые мамины руки, всегда вкусно пахнущие, всегда приходящие мне на помощь.

Но крепкие, чуть шершавые, пахнущие кожей и оружейной смазкой руки отца я просто обожала!

И всё же этого мне становилось мало. Большой мир манил меня. Звал переливами незнакомых звуков, яркими красками скользящих мимо меня размытых силуэтов какого-то транспорта (но точно не карет и повозок), разнообразными запахами, наполняющими его.

Так что этому путешествию я была рада.

Само путешествие, правда, я помню плохо. Резковатые запахи, громкие звуки, много незнакомых людей...

А потом, потом мы оказались в каком-то большом стеклянном доме. Сели в большую светлую коробку, пахнущую не очень аппетитно, и поехали куда-то вверх.

Пока мы ехали, я внимательно посматривала на папу с мамой, но оба имели очень непроницаемые лица почему-то и молчали.

Наконец дверь этой странной коробки открылась, и я увидела две новые фигуры, возникшие в моей жизни: высокий седой старик с аккуратной белой бородкой и высокая стройная пожилая дама с чуть надменным лицом и высоко вздёрнутым подбородком.

– Ну здравствуй, батя, – мужчины крепко обнялись.

– Здравствуй, мама, – голос моего отца звучал чуть отстранённо.

– Здравствуй, – чуть холодно произнесла женщина, ещё сильнее сжав губы.

Мама стояла молча, лишь кивнула обоим головой.

– А кто это у нас тут? – после затянувшейся паузы наклонился ко мне седовласый.

Дедушка, как я поняла.

– Ой, ты ж какая хорошенькая... – заворковал со мной дед, аккуратно беря на руки. – Ну чего же мы стоим? Заходите, – засуетился он, первый устремляясь со мной на руках к открытой двери.

За ним, молча подхватив вещи, последовали и остальные.

Меня быстро раздели, накормили, намыли и положили спать.

Так что осмотреться я толком так и не смогла. Уснула сытая и довольная на чём-то мягком.

Проспала я, правда, не долго. Проснувшись в сероватой темноте большой комнаты. Откуда-то в комнату заглядывала желтоватая полоска света. Где-то звучали голоса. Я различала голос отца и иногда мамин. Слышался мелодичный звон и чуть неприятный для моего слуха, железный лязг.

Видимо, взрослые сидели за столом, как определила я для себя эти звуки.

По дому растекались многообразные запахи.

Мне стало любопытно: что же там происходит? Спать больше не хотелось.

Я скатилась с чего-то мягкого на мягкий же ковер (видимо, спать меня уложили на диване) и не спеша поползла в сторону полоски света, что падал в мою комнату из-за приоткрытой двери.

Поползла и... оказалась в огромном длинном коридоре, покрытом чем-то шершавым и тёплым.

Оставалось решить, куда я хочу дальше.

Справа от меня звучали голоса взрослых, а слева вкусно пахло чем-то мясным и печёным.

И я повернула туда. Ведь взрослых-то я уже видела, а вот источник таких обалденных запахов – нет.

На четвереньках я шустро преодолела расстояние до кухни и, ввалившись туда, села на пол, оглядывая помещение.

Оно было светлым, тёплым и большим. Таким большим, что по размеру могло сравниться с нашей квартирой.

На кухне стояла тишина. Было слышно лишь тиканье больших настенных часов: тик-так, тик-так.

Откуда-то сбоку звучали знакомые голоса.

Спереди из приоткрытого окна дул прохладный ветерок, доносились далекие, незнакомые мне звуки. Рядом с окном стоял стул с высокой обитой тканью спинкой. А на подоконнике что-то блестело в лучах неяркого вечернего солнца.

Мне стало любопытно, и я подползла поближе к окну.

Что-то прозрачное, стоящее на подоконнике, заблестело ещё ярче. Это ещё больше разожгло моё любопытство. И я встала, опершись на стул.

На окне стояла прозрачная круглая тарелочка, сверкающая множеством граней в свете заходящего солнца.

Я потянулась к ней, стараясь достать. Но я была слишком маленькой, а подоконник слишком высоким, так что у меня ничего не получилось.

От огорчения я хныкнула. Но не сдалась!

А подтянувшись на руках, сопя и кряхтя, наконец, оказалась на стуле, чему очень обрадовалась и весело гукнула.

Видимо, эти звуки и были услышаны в комнате, где собрались взрослые. Потому что краем уха я слышала тихие шаги, скрип двери и удивлённый голос отца, обнаружившего, что меня нет на месте.

Затем к нему присоединился голос мамы. Зазвучали и другие голоса:

– Да здесь где-то.

– Куда она денется?

– Надо просто всё осмотреть.

Судя по звукам, взрослые рассредоточились по разным направлениям.

Поняв, что интересной переливающейся штуки меня вскоре могут лишить, я покрепче ухватила руками блюдце. Пальцы попали во что-то пушистое, серое и невкусно пахнущее. Судя по всему, я ухватила хрустальную пепельницу.

Осознав это, я брезгливо отдернула руку. И совсем уже было решила спуститься вниз, как моё внимание привлекла пролетевшая мимо окна птица.

Меня это явление крайне заинтересовало, и я, подтянувшись, влезла на подоконник. А затем, ухватившись покрепче за белую, чуть скользящую под пальцами раму, выпрямилась во весь рост, стараясь разглядеть поближе пролетающих мимо окна и высоко в небе птиц.

За этим интереснейшим занятием и застучал меня отец, вошедший на кухню.

Он на полсекунды замер на пороге и... молча сделал стремительный даже не шаг, нет, бросок.

И он бы успел. Если б не пролетевшая близко ворона. Увидев так близко огромную чудную птицу, я с радостным гуканьем протянула к ней руки, почти ухватив за блестящее, чёрное перо, и... вывалившись из окна, полетела вслед за ней в неизвестность.

Услышала впереди лишь удивлённое воронье карканье да дикий крик отца, раздавшийся где-то сзади. Но все эти звуки через миг сменил лишь шум ветра в ушах.

Справедливости ради надо сказать, что этот шаг в неизвестность неизвестностью был только для меня. Для вороны сей маршрут был вполне себе знаком.

Что касается лично меня, то сначала я камнем падала вниз, кувыркаясь и переворачиваясь в воздухе. Уши закладывало от шума ветра, холодный воздух больно бил по телу. Наверное, я бы начала пугаться, если б вдруг моё стремительное движение вниз не замедлилось.

Меня словно качнуло, а потом упругая тёплая струя воздуха мягко подхватила под живот, и я начала медленно снижаться.

Мимо меня пролетела ворона, с удивлением оглядывая неизвестное ей существо. Не могу сказать, та самая это была птица или другая. Я плохо запомнила её физиономию.

Да меня это не особо и интересовало. Мне понравилось парить в воздухе.

Мимо скользили облачка, силуэты домов, тени птиц. Небо переливалось всеми оттенками розового, лилового и золотистого в лучах заходящего солнца.

Тёплый воздух, бережно подхватив меня, не спеша опускался на землю.

Однако ближе к земле моё падение вновь ускорилося, и меня опять почти перевернуло, когда я слышала тихий смешок над своим ухом и увидела сбоку от себя, словно открывающийся внутрь неба, прозрачный туннель, сотканный из воздуха. А в нём полупрозрачное, похожее на человеческое, лицо...

«Ветра! Это лицо – ветер», – догадалась я.

Ветер был не очень тёплый и дул с заката... Рядом с моим ветром воздух чуть уплотнился, и я почувствовала на себе сначала чьё-то обжигающее зноем дыхание. А потом на меня резко дуло холодом. Чуть уплотнившиеся струи воздуха рванули вверх, то сходясь, то разлетаясь в стороны в завораживающем дружественном танце.

Я, забыв обо всём, восхищённо наблюдала за менуэтом ветров, когда на меня снова дунули и чуть потрясли.

И я вновь перевела взгляд вниз, переключив своё внимание на западный ветер и... протянув руку, попыталась потрогать его.

Он снова засмеялся, видимо, моя попытка развеселила его, и плавно опустил меня в крону ближайшего тополя, прямо в большое воронье гнездо, что вызвало огромный переполох в готовящейся ко сну стае этих птиц.

С диким ка-а-аррр они метнулись в разные стороны.

Это несколько обескуражило меня и обидело. Вдобавок в гнезде было довольно тесно сидеть. А вечерний воздух неприятно холодил кожу. К тому же рядом со мной никого не было: ни мамы с папой, ни ворон, ни даже ветра. Да что уж там ветра, Феечки, и той не было!

Так что я уселась в гнезде поудобнее, поджав под себя ноги и покрепче ухватившись руками за его край, и от души зарыдала...

Правда, рыдала я недолго, вволю нарыдаться мне не дала голова отца, неожиданно появившаяся рядом с гнездом. От такой неожиданности я и произнесла своё первое в жизни слово:

– Не я.

А затем развела руки в разные стороны и, пожав плечами, повторила:

– Не я.

Видимо, где-то в глубине души я понимала, что моя попа вполне так себе заслуживает ремня за такие кульбиты, и пыталась снять с себя вину.

Хотя, судя по физиономии отца, ему явно было не до моего воспитания.

Так что он просто схватил меня в охапку и осторожно спустился со мной на землю.

Но, честно говоря, я уже плохо помнила и этот спуск по толстому стволу старого дерева, и вой сирен скорой помощи.

Более-менее я проснулась уже в каком-то месте, остро пахнущем лекарствами. Когда кто-то, передав меня на руки родителям, ворчливо произнёс густым басом:

– Такое впервые на моей практике. Но, видимо, подгузник спланировал вместо парашюта. Она абсолютно здорова. На ней ни царапинки. Просто уже хочет спать, время-то не детское.

А дальше я уснула, уткнувшись носом в плечо отца. И никак не могла понять, почему всхлипывает мама и всё время меня гладит по спине чуть дрожащей ладонью.

Глава 5. Второе приключение

Собственно говоря, я росла, что называется, тихим ребёнком. Развивалась по возрасту, хорошо ела, болела мало, папу с мамой слушалась. Что ещё надо родителям для счастья?

Да ничего. Моя послушность давала им возможность заниматься собой и всякими бытовыми мелочами типа приготовления супа, уборки квартиры и пр. в том же духе.

Ко всему прочему, как я смогла заметить, много нервов и душевных сил у моих родителей занимала работа отца.

Так что я старалась им эти самые силы сберечь. По мере своих скромных возможностей, конечно.

Тем более что после моего первого приключения маме понадобилась помощь психолога.

Да они оба и спустя полгода после одного вздрагивали, как только я приближалась к окну.

Хотя я не раз слышала от отца, что падать с первого этажа, если что, гораздо менее травматично, чем с двадцать восьмого.

На что мама очень нервно ему возражала, что с первого-то этажа как раз мой памперс-то и не успеет раскрыться и спланировать меня в воронье гнездо. И что вот как раз с первого-то этажа я и могу расшибиться в лепёшку.

Потом она снова начинала плакать, а папа снова начинал её успокаивать, прижимая к себе и тихонько глядя напряжённой рукой по волосам. При этом лицо у него делалось каменным, взгляд словно застывал, покрывшись коркой льда, а губы превращались в сплошную узкую полосу.

Тогда же я и сделала первый шаг. А потом ещё и ещё один. Мне очень захотелось подойти к родителям и обнять их.

Объяснить, что со мной всё в порядке и что у них совсем, ну совсем нету повода за меня переживать. Я же здесь. С ними. И всё хорошо.

Но подойти к ним я не успела. Походка моя была ещё очень неуверенной. Меня покачивало из стороны в сторону. Каждый шаг надо было продумывать. Так что двигалась я медленно. И мои телодвижения заметил отец. Один миг, и меня подхватили на руки и подбросили высоко в воздух. Отчего мне стало очень весело, и я радостно засмеялась. Но при этом мне хотелось обратно на землю, чтобы попробовать пойти самой ещё и ещё раз... Так что я начала отбрыкиваться, прося опустить меня вниз и дать походить самой.

Меня, конечно же, отпустили и пошли осторожно сзади, готовые подхватить меня при первой же необходимости.

Но необходимости меня страховать не было. Я пошла очень уверенно. А на другой день, выйдя на прогулку, первый раз в жизни и побежала. Куда? А в никуда... Куда ноги несли и глаза глядели. Мама спешила за мной следом, изредка меняя траекторию моего движения с разными словами:

– Туда нельзя. Там дорога. Осторожно. Там лужа. Не упади в канаву...

Мне же было всё равно: лужа, канава... Главное, что я могла бежать. Сама. И я с радостным гиканьем топала по лужам, поднимая кучу брызг и забрызгивая розовый комбинезончик с ног до головы коричневой жижей.

Летела сломя голову по мокрой траве на проезжую часть. Пока мама, поймав шуструю дитятку за тридцать сантиметров до оной, не уговорила меня пойти на детскую площадку.

О! Ну качели мне всегда нравились. И я с радостным повизгиванием припустила по песчаной дорожке напрямиком на площадку, к заветным качелям.

Там-то, собственно, и встретились два одиночества. А именно я и служебная овчарка соседа, с которой он заходил домой, а теперь спокойно, спустив псину с поводка, возвращался на службу.

Нет, не подумайте, что он был столь безалаберен, что рабочую собаку водил без поводка. Просто, практически выйдя за пределы жилых домов и внимательно осмотрев окрестности, мужик никого не увидел. Кто ж знал, что мои шустрые ноги вынесут нас почти что в лес. И что из-за густых раскидистых кустов шиповника меня просто не будет видно. А мама ещё не достигнет опушки леса. Ну то есть ещё не покажется на тропинке. Я её сильно обогнала в своём стремлении вперёд.

Таким образом, предполагаемые параллельные спущенной с поводка и обрадовавшейся возможности побегать собаки и дорвавшейся до побегать меня пересеклись в одну минуту.

После чего в ясный осенний день на пустом поле рядом с ещё цветущим кустом шиповника встретились маленькая белокурая девочка и огромная тёмно-серая псина.

Выскочив почти одновременно из-за кустов, мы с собакой на секунду замерли, разглядывая друг друга. Затем пес тихонечко потянулся ко мне мордой.

А я? О! А мне очень понравился этот большой и пушистый зверь. И я схватила его за нос, крепко сжав кулачок. Так мы и стояли, смотря друг на друга: маленькая девочка в розовом комбинезончике и большая тёмно-серая собака со своим зажатым в руке у этой самой девочки носом.

Надо сказать, что мокрый собачий нос мне явно пришёлся по душе, а псу, судя по всему, пришлась по душе я.

Чего не скажешь о моей маме и его хозяине. Оба напряжённо замерли метрах в полутора от нашей композиции, не решаясь ни что-либо сказать, ни пошевелиться.

Видимо, каждый считал, что своим движением или словом он может спровоцировать собаку на не столь мирное поведение. Потому оба, похоже, даже дышали через раз.

Мы же с собакой просто стояли друг напротив друга. Затем я чуть разжала кулачок, и пес аккуратно вытащил из моей ладошки свой чуть помятый нос.

А вытащив, что есть мочи припустил прочь от меня, сверкая всеми четырьмя лапами. Пока хозяин, не подозвав его к себе, не взял на поводок.

Меня же в охапку схватила мама и, оглядывая, ощупывая на ходу, понесла домой.

После чего опять были её слёзы. И вот этого-то я никак понять и не могла: чего плакать-то? Ведь я познакомилась с таким классным псом! И мне было так хорошо!

Глава 6. Главное – не скучать

Надо сказать, что до двух с половиной лет я умудрилась обходиться без особых приключений. Нет, я, конечно, как все дети, бегала, прыгала, спотыкалась и падала, не обошлось и без пары синяков, но в основном всё было тихо и спокойно.

К этому возрасту я уже хорошо разговаривала, ловко лазила по всем горкам, турникам и прочим препятствиям, куда удавалось залезть, ускользнув от бдительного ока мамы.

И знала все буквы, цифры и основные геометрические фигуры. Правда, складывать эти самые буквы в слова пока не умела. Да и считала только до десяти, и то на пальцах.

Отец к достижению мной двух с половиной лет отсутствовал дома уже около полугода. Командировка, как говорила мама кому-то по телефону.

Этот кто-то явно заставлял её нервничать, разговаривая с ним, она то и дело теребила фартук. Ноздри её тонкого носа раздувались, она то краснела, то бледнела. И часто разговор заканчивался тем, что мама просто бросала трубку. После чего долго, очень долго не было никаких телефонных звонков.

А потом всё начиналось сначала.

В такие моменты мне становилось очень тревожно. Я подходила к маме, обнимала её и вопросительно заглядывала в глаза.

Тогда мама, улыбнувшись сквозь выступившие слёзы, ласково гладила меня по белокурым волосам и говорила что-то типа:

– Ничего. Они просто не понимают.

Вскоре я начала догадываться, что говорит она о своих и папиных родителях.

Мне, правда, было трудно понять, в чём же заключалась проблема? И чего они не понимают? Но я была рада, когда в нашем доме не звонил телефон.

А ещё больше я была рада возвращению отца из командировок. С радостным писком я бросалась к нему и повисала на его шее, крепко обняв её руками.

И его брови чуть разглаживались, в глазах чуть таял ледок, он осторожно гладил меня по голове. А я, повиснув на нём, с упоением вдыхала знакомый запах.

Правда, после командировок к обычному запаху кожи, пороха, формы примешивался ещё и запах крови. Он не нравился мне, но я старалась не обращать на него внимания. Главное, что папа вернулся!

К тому же наступила весна. Воздух стал теплее. В нём появились новые запахи. Снег потемнел и стал рыхлым. Под окном начали чирикать птицы. Всё чаще выглядывало весеннее солнышко. На дорогах в большом количестве образовывались лужи, по которым я просто обо- жала бегать к некоторому неудовольствию мамы, которой потом приходилось выливать воду из моих сапог и стирать мой комбинезон. Кстати говоря, последний, заменив собою зимний, стал значительно легче. Соответственно, и бегать в нём было удобнее.

Кроме того, мне нравилась моя красная шапочка с двумя огромными белыми бумбонами, пришитыми к ней.

Одним словом – жизнь радовала!

А полным счастьем послужил выходной день у отца, полученный им после возвращения из командировки, когда мама отправила их вдвоём с его другом со мной погулять.

«Чтобы не мешали спокойно всё приготовить к вечеру», – сообщила она нам, выпроваживая за дверь.

Надо сказать, что прогулки вместе с отцом были для меня большой редкостью. И сча- стьем. А для него – ответственностью, как сам он говорил соседу:

– Понимаешь, – рассуждал папа, – это всё же ответственность. За ней же смотреть надо. А вдруг ударится. Заболит что-нибудь.

Его напарник согласно кивал. Судя по его серьёзному виду и остекленевшему взгляду, прогулка со мной была для его холостяцкой психики ещё более травматична, чем для нервов моего отца.

Но вдвоём, привыкшие прикрывать друг другу спины, они чувствовали себя со мной более уверенно. А я?

А я чувствовала себя королевой, управляющей миром! И, гордо задрав нос, скачками и перепрыжками шествовала впереди двух перепуганных ответственностью мужиков, которые тем не менее весьма шустро двигались следом.

Надо сказать, что от их тихой скользящей походки я просто балдела. Было в этом что-то звериное, что-то волнующее в моей душе, будившее в ней какие-то подстёртые воспоминания.

Но долго ли, коротко ли мы гуляли на детской площадке, я сказать не могу. Мне там надоело. И я уговорила папу с напарником пройти к речке. Они этому и сами были рады. Поскольку мелькание кучи комбинезонов перед глазами, визг и писк, стоящие на площадке, их порядком утомили. А у реки был лес, был мост, была сама река и была тишина и покой, нарушаемый лишь пением птиц да далёкими звуками, доносящимися со всей округи.

Одним словом, сменить дислокацию мужики согласились моментально.

И отправились они туда, подхватив меня на руки, короткими перебежками: то скользя по ледяной дорожке в своих ботинках, то перепрыгивая через упавшую ветку. А я? А я радостно повизгивала от восторга, крепко ухватившись за папину шею и показывая язык его другу, что скакал за нами следом.

Дорогу они, конечно, сократили, пройдя через лес. И не прошло и десяти минут, как вышли к реке, оказавшись на небольшой поляне, пологий берег которой спускался прямо к замёрзшей воде.

Река все ещё была покрыта льдом. Снег на её берегах был белым, хотя и покрылся ледяной корочкой, и немного осел.

Я попросилась на землю. После чего с удовольствием стала играть, набирая снег в своё желтенькое ведерко, которое тащил за нами сосед.

А мужчины, понаблюдав за мной несколько минут, занялись своими упражнениями, быстро скинув куртки.

Я же слепила первый куличек, с удовольствием наблюдая за вознёй и прыжками моего отца с его другом.

Затем мне показалось интересным разрыть огромный белый сугроб, что возвышался в нескольких шагах от меня. И я направилась туда. Куличек с этого снега получился отменный! Но я уронила на снег, что был чуть ниже этого сугроба, варежку. И шагнула за ней...

– Васька, ты куда?! – услышала я крик отца.

И, не останавливаясь, на ходу крикнула в ответ:

– Я варежку уронила! Сейчас!

И шагнула вниз с маленького пригорочка. За варежкой. А потом прошла ещё несколько шагов за шишкой, что чернела на белом снегу. Ведь из нее получится замечательная маковка на мой кулич.

В это-то время река и вскрылась. Раздался оглушительный грохот. Земля ушла у меня из-под ног, и мы вместе со льдом куда-то поплыли. Как-то все и сразу.

Сзади что-то кричали мужчины. Но из-за грохота ломающегося льда я ничего не могла разобрать. Да и ответить тоже. Поскольку мне было совсем не до ответов.

Лёд под ногами ходил ходуном. Так что я, потеряв равновесие, просто шлепнулась на пятую точку. Да так и застыла, приоткрыв рот от удивления. Там, где только что было бело от снега, теперь чернела и бурлила вода, с первобытной яростью кроша и ломая ледяные глыбы. Меня же на одной из льдин поволокло вперёд, качая и тряся на ходу.

Откуда-то сбоку я слышала крики, это потом я узнала, что отец с другом рванулись вдоль берега за уплывающей со мной льдиной.

Меня же несло куда-то вперёд. Качка усиливалась, так что я просто легла на лёд плашмя. Перед глазами закипала, бурлила и пенилась тёмно-серая вода. Впереди крошился лёд, обдавая мне спину ледяными иголочками. Льдину крутило и качало. Голова чуть кружилась.

Одним словом, несло нас с льдиной конкретно так. И, как я заметила краем глаза по мелькающим сбоку чёрно-зелёным стволам деревьев, несло не с маленькой скоростью.

Наконец на третьей крейсерской скорости мы оказались на сравнительно чистом ото льда участке воды. Течение успокоилось. И река, неторопливо покачивая льдину, прибила её к берегу.

Куда я на четвереньках быстренько и вылезла, благо берег был совсем пологим. С кое-где виднеющимися проплешинами мха. Так что я вполне могла сориентироваться и не принять ещё не отколовшийся кусок льда за твёрдую почву.

Быстро забравшись на пригорок и оккупировав находящуюся на нём проплешину, я огляделась по сторонам.

Откуда-то сверху по течению доносились отдалённые крики.

Где-то в лесу снова зачирикали замолкшие были птицы.

В лицо дул тёплый ветерок, неся с собой запахи талого снега, мха, леса и реки.

Я посмотрела на реку, неожиданно в её неспешном течении вспенился бугорок и словно расцвёл белоснежным цветком на чёрно-серой глади воды.

А затем, чуть подняв глаза вверх, я заметила и какое-то движение на другом берегу. И, приглядевшись, увидела пятерых волков, внимательно рассматривающих меня, стоя рядом с огромным валуном.

Увидев серых, я почти испугалась. Но лишь почти. Поскольку изнутри меня, словно вода из родника, поднялось нечто, что позволило мне повторить слова Маугли:

– Мы с тобой одной крови. Ты и я.

Волки задрали головы, принюхиваясь. А затем неторопливо скрылись в чаще леса, а на поляну выскочили двое...

Ну конечно, это был мой отец со своим напарником.

И видок у них, должна заметить, был так себе. Встрёпанный такой видок был.

Быстро подхватив меня на руки и осмотрев со всех сторон, оба слегка выдохнули и совсем уже было повернули назад, но я их остановила, показав на бумбоны и приказав их оторвать от шапки.

Мужчины недоумённо посмотрели на меня, но, глядя отцу прямо в глаза, я повторила просьбу. Самой мне было не справиться. Украшения к шапке были пришиты крепко.

Получив в руки два бумбона, я попросилась с рук и аккуратно положила один на прогалину, на которой стояла, а второй за руку с отцом, который крепко держал меня за неё, подошла к реке и кинула бумбон в воду. Я знала, что должна поблагодарить и реку, и приютивший меня берег за целостность своей шкурки.

После чего мы и отправились в обратный путь. Домой.

– Нагулялись, – выдохнул мой отец, у которого на лице ходуном ходили скулы.

А его друг согласно сузил глаза и лишь молча кивнул головой, стиснув зубы до скрипа.

Маме мы ничего не рассказали, объяснив отсутствие бумбонов на шапке моей прихотью: я типа сделала из них украшение на куличики.

Она было возмущённо вздохнула и уже набрала в грудь побольше воздуха, чтобы высказать всё, что думает о потакании отца моим прихотям, но не успела. Раздался звонок в дверь, это пришли сослуживцы отца.

Начался вечер...

Глава 7. Взросление

Дальше в моём детстве всё было относительно спокойно. В пять лет мама пристроила меня в детский сад. Не потому, что пошла работать, а чтобы, как она сказала отцу, когда тот несколько удивился её решению, ребёнок социализировался.

Не могу сказать, что я не бегала с остальными детьми на улице, а лишь ходила за ручку с мамой. Бегала, и ещё как. Так, что меня иногда не могли докричаться пообедать. И домой я приходила ближе к ночи, загулявшись и забыв о времени.

Да и с обучением у меня всё было неплохо. К пяти годам я освоила программу первого класса, за исключением оформления букв в письменном виде. Мама считала, что этому должен учить учитель. Иначе что-то может пойти неправильно. Я не знала, что там может пойти. И почему неправильно. Но не спорила. Были занятия и поинтересней. Например, игра в казаки-разбойники, гонки на велосипедах. Или в войнушку на крышах гаражей и чердаках.

Играла я в основном с мальчишками. С девочками после четырёх лет отношения как-то не складывались. Ну не понимала я, что значит стыдно носить подделку, а не носки от кутюрье? Они же не с дырками. Мягкие, удобные. Где я должна заставлять родителей искать этого кутюрье с его носками? И почему они должны их у него отбирать? И разве не противно носить чужие носки? Да и почему моя нормальная кукла чем-то хуже Барби? Этого я тоже не понимала. Нет, я с удовольствием укладывала куклу спать, катала её в коляске, кормила. Просто обычные куклы мне почему-то нравились больше белокурых красоток, с коими гордо расхаживали соседские девчонки.

Посему я частенько видела на их лицах презрительные усмешки и высоко задранные носы при виде меня с моей куклой из обычного детского магазина и в обычных джинсах, купленных на рынке.

Мне было обидно. Но просить папу отобрать у несчастного кутюра носки я не стала. Мне было стыдно и жалко этого самого кутюра (или как там его?). Так что я решила носить свои. Тем более что мне в них было удобно.

Одним словом, на площадке я обычно играла одна. Пока тем, что я строю из песка, не заинтересовалась пара мальчишек. Повозившись в песочнице вместе, мы вскоре переместились на окраину городка, где игры с куличиками плавно переросли в казаки-разбойники.

С мальчишками мне нравилось больше. Они не ныли, если падали или рвали одежду. Лишь потирали ушибленное место. Не спрашивали меня, почему на мне всё не от кутюр. И не ябедничали. Я же тоже быстро научилась держать язык за зубами.

Так прошло какое-то время, и настала пора идти в школу.

Тут-то и выяснилось, что мальчишки стали стесняться играть со мной. Им было неудобно перед другими мальчишками, тем более перед более старшими пацанами, признаваться в том, что они водятся с девчонкой. Они краснели, если их видели рядом со мной, и спешили уйти.

А для меня это был первый удар. Я поняла, что люди могут предать, несмотря на твоё искреннее отношение к ним. А самым большим открытием было то, что предать могут мальчишки.

Нет, какое-то время я ещё пыталась с ними дружить: заговаривала, предлагала сбегать к реке или в лес, но в ответ мне что-то мямлили, отворачивались и вообще делали вид, что отношения ко мне не имеют.

По старой памяти я пригласила их на день рождения, надеясь, что в этом мне не откажут и придут. И будет шанс всё вернуть. Ведь нам и правда было весело и интересно всем вместе.

Но никто не пришёл. Так что свою днюху я провела исключительно в кругу семьи. То есть мамы, отец был на службе.

Так я поняла, что друзей у меня нет.

Мальчишки меня сторонились, девчонки тоже.

В классе все кучковались, создавались группки, в этих группках возникали и сменялись лидеры. Я же была одна.

Меня не приглашали на прогулки, со мной не садились за одну парту, я ни к кому не заходила в гости, и никто не ходил в гости ко мне.

Думаете, я была букой или уродиной? Вовсе нет.

Чуть выше среднего роста. Белокурые выющиеся волосы до лопаток. Ярко-василькового цвета глаза. Курносый нос. тёмно-розовые губы. Чёрные брови и ресницы. Персикового цвета кожа. Я была тоненькая, гибкая, подвижная.

Хорошо училась. Думаете, не давала списать? Ябедничала. Ныла чуть что? Нет.

Просто не прощала пусть и небольших, но предательств. Просто мне было неинтересно постоянно обсуждать кого-то за глаза, а в глаза заискивающе улыбаться. Просто было скучно говорить лишь о модных тряпках, цвете ногтей и накачанных губах. Да и ходить, держась под ручку, мимо понравившегося мальчика казалось смешным.

Одним словом, в общество я явно не вписывалась.

Что несколько травмировало моих родителей. Конечно, они видели, что в гости к нам никто не заходит, что я ни к кому не хожу, а целыми днями сижу дома, не считая прогулок в лес. И прекрасно понимали, что друзей, да и просто приятелей у меня нет.

Переживала ли я по этому поводу? И да, и нет. Мне очень хотелось иметь подругу и очень хотелось дружить с мальчиком. Но не с такими, какие были вокруг меня. Потому я просто запаслась терпением. Должно же было когда-нибудь это положение вещей измениться?

По крайней мере я на это очень надеялась.

В этом режиме ожидания прошёл и не год, и не два, а много.

Я прекрасно написала ЕГЭ. Я получила аттестат, но не пошла на выпускной. Мне ни с кем из моих одноклассников не хотелось сидеть за одним столом, ни с кем из моих одноклассников не хотелось танцевать. И я рада была наконец распрощаться с ними со всеми.

К этому времени мой отец вышел на пенсию и получил квартиру в Питере. Чему я была несказанно рада, ведь мечтала поступить на восточный факультет университета.

И мечта моя сбылась. Я оказалась в числе нескольких счастливчиков, зачисленных на первый курс.

В это же время я первый раз в жизни влюбилась!

Глава 8. Первая любовь

Мне 18 лет. Я окончила школу. И я наконец избавилась от общества своих одноклассников и иже с ними. У меня есть мама и папа. У нас есть своё жилье. И это жилье в любимом мною городе. В Санкт-Петербурге. И я поступила в универ. На бесплатное отделение. Одним словом, ура!

Я была счастлива, как никогда.

И летела на первые свои занятия как на крыльях! Троллейбус, метро, автобус. Я совершенно не замечала транспорта с его толкучкой. Меня манила новая жизнь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.